

ГЛАВА 1

Кортеж из черных автомобилей приближался к азербайджано-турецкой границе. За окном тянулась серая пыльная полоса шоссе, вставали по обочинам горы, поросшие густым зеленым лесом. Впереди уже маячил пограничный пост. Николас смотрел то на проплывающий мимо южный пейзаж, то на спокойный тонкий профиль Ольги, и его не покидало ощущение, что, возвращаясь в Турцию, они совершают огромную ошибку.

Прошло почти два года с того грозового вечера, когда они бежали оттуда на вертолете. Два года с тех пор, как он принял решение, после которого его жизнь изменилась навсегда. И он все еще не был уверен в том, что сделал тогда правильный выбор. Но жалеть о том, как поступил, не мог, все его существо восставало против этого.

Нет, он по-прежнему оставался противником насилия, человеком, привыкшим верить в непреложность законов, ненавидящим наркоторговцев и бандитов всех мастей, но...

Но.

Все убеждения меркли, когда в памяти всплывали воспоминания об этих двух годах. Расплавленное солнце на серых скалах, окаймляющих крохотную скалистую бухту неподалеку от города Ситии на греческом острове Крит, где они с Ольгой обосновались после бегства. Бирюзовая ласковая вода в лагуне. Вот Ольга осторожно ступает босыми ступнями по камням, входит в воду и ежится от летящих брызг. Все это так напоминало Микнос — то время, когда их знакомство не было еще омрачено кровью и пороховой вонью. Когда Ольга оставалась для него загадочной и пленительной незнакомкой, а сам он был беспечным молодым прожигателем жизни, который вырос в обожающей его семье и никогда не сталкивался с болью, несправедливостью и преступлением.

— Постой! — кричал он, увидев, как она скидывает руки и складывает их «лодочкой» над головой, готовясь нырнуть. — Подожди меня!

А Ольга оборачивалась — дивные бледно-золотые волосы ее развевались волной, в зрачках блестело солнце — и, смеясь, отзывалась:

— Не догонишь!

И, оттолкнувшись ногами от дна, сложившись почти пополам, плавным движением уходила в бирюзовую воду. Николас на бегу сбрасывал сандалии, поднимая тучи брызг, врывался в пенящиеся волны, нырял и вглядывался в подводный мир, следя, не появится ли поблизости силуэт стройного сильного тела. И, уловив движение слева от себя, двигался туда, ловил Ольгу, прижимался губами к ее соленым губам. Задыхаясь, они всплывали на поверхность и здесь тоже не могли разомкнуть рук, вцеплялись друг в друга, как помешанные, исступленно гладили мокрые гладкие тела, погружали пальцы в волосы. Казалось невыносимым, что такое счастье — чистое, полное, глубокое — может строиться на чьей-то крови и несчастье.

— Я люблю тебя, — прошептал он как-то раз, когда они лежали на камнях, отдыхая после привычной морской погони и борьбы в волнах. Борьбы, в которой наградой являлось поражение.

Ольга приоткрыла глаза, острый взгляд блеснул из-под полуопущенных век.

— За что? За то, что не убила тебя тогда?

Он смутился. Наверное, отчасти это была правда. Теперь, когда он знал историю Ольги, знал о ее образе жизни, бизнесе и его законах, то, что она не спустила курок в тот день на вилле, казалось действительно выдающимся поступком. Он по собственному легкомыслию влез в ее жизнь, едва не погубил дело, казавшееся ей важнейшим, — отомстить за смерть родителей, а она оставила его в живых. Безжалостная Фараонша, привыкшая не колеблясь избавляться от любого представляющего опасность человека, не смогла выстрелить в него. Почему?

— А ты почему не выстрелила?

— Ты слишком хорош собой, мой дорогой, — отшутилась Ольга. — Я умею ценить красоту, жаль было бы испортить такое совершенство.

Он подкатился к ней поближе, подмял под себя, шалея от жара ее разгоряченного солнцем тела, от уже ставшего родным запаха, от кристалликов соли на коже, жегших губы.

— Скажи правду! — выдохнул он, целуя ее, ласково сжимая в ладонях голову. — Ответь мне!

И Ольга, уже тяжело дыша, извиваясь под ним, прошептала:

— Я... Я, наверное, никогда не смогу причинить тебе вред, Николай.

Ольга не любила и не умела говорить о чувствах, это он давно понял. Так же, как не любила говорить о себе. Только ночью, когда, изможденные любовными схватками, они лежали в темноте, соприкасаясь телами, и легкий ветерок, налетавший с террасы, охлаждал влажную от пота кожу, только тогда ему иногда удавалось задать волновавшие его вопросы и получить от нее ответы. Ольга говорила мало, скупое, обычно старалась рассказать о ситуации с юмором, но Ник ясно видел то, что скрывалось за ее короткими ироничными репликами.

Видел маленькую девочку, разлученную с родителями в таком раннем возрасте, что у нее почти не сохранилось о них воспоминаний. Видел восьмилетнюю Олю, на глазах которой жестоко убивают отца и мать, которых выдала бандитам ее родная тетка, она же мачеха, «мама Люда». Видел одинокого подростка, получающего дома лишь упреки и побои и бредящего биатлоном как единственной возможностью добиться от мира уваже-

ния, признания и свободы. Видел раненую Ольгу в больнице, куда навещается ушлый Порох и, выдавая себя за доброго дядюшку, переживающего за дочь старого друга, заманивает ее в свои сети. Видел, как некогда обиженный Ольгой парень из команды, некто Олег Рогов, которого она даже вспомнить не могла, бьет ее, только что потерявшую подругу, раздавленную этим горем, чтобы поквитаться за старое оскорбление. Видел и всю последующую круговерть событий, приведших к тому, что Ольга стала такой, какой он ее узнал. И понимал, что не ему, золотому мальчику, человеку, чья предыдущая жизнь походила на глянцевого рекламный буклет, судить ее.

Он теперь уже знал, что Ольга — страшна до безрассудства. Умна и хитра, как змий. Решительна и жестока. Трудно сходится с людьми и почти никому не доверяет. Но вместе с тем стоит ей однажды назвать человека своим, принять его в свою стаю, и она не задумываясь пожертвует ради него жизнью. Это был непонятный ему черно-белый мир, состоящий из небольшой горсточки своих и огромной массы чужих. И все чужие в нем являлись потенциальными врага-

ми. Как его угораздило попасть в круг своих для Фараонши, он и сам до конца не понимал. Но осознавал, что пути назад нет. И дело даже не в том, что Ольга убьет его, реши он ее предать. Нет, дело в том, что это предательство, предательство своего, того, кому доверили самое сокровенное, уничтожит ее. А этого он допустить не мог. Теперь уже не мог.

— Что будет дальше с нами? — как-то раз спросил он Ольгу.

Вечер был тихий. Над морем разгорался закат, будто кто-то опрокинул на голубую скатерть стакан бордо. Ольга уютно устроилась в кресле на террасе их небольшого одноэтажного дома. Ник только что принес из спальни шаль и набросил ей на обнаженные плечи. Вышколенная охрана где-то там, на подъезде к бунгалу, охраняла их покой.

— Дальше? — Ольга укуталась в шаль, удержала его руку у себя на плече и благодарно поцеловала костяшки пальцев. — Я рада, что ты спросил. Нужно разобраться. На тебя у полиции ничего нет, я узнавала. Только запись с видеокамеры на входе в виллу. Но это ерунда, это можно будет опротестовать. Хороший адвокат...

— Я не о том, — перебил Николас. — Как мы с тобой будем жить дальше?

Дни, проведенные на Крите, казались волшебной сказкой. Каникулами, в которые им удалось вырваться из жутковатого мира, с которым Николас успел пока соприкоснуться только слегка. И все же того, что он видел, было достаточно, чтобы понимать: этот безмятежный покой долго тянуться не может.

Лицо Ольги омрачилось, будто легкая тень облачком набежала на идеальные черты.

— Что касается меня, — ровно произнесла она, глядя не на Николаса, а на легкую морскую рябь и гаснущие краски заката. — Я выжду, когда в Турции все утихнет. Переворот, который пытались устроить военные, чтобы сместить действующего президента, не удался. Беспорядки рано или поздно закончатся, скорее всего, года через два-три. Раньше мне в Стамбул не вернуться. Значит, придется пока обосноваться где-то неподалеку. Думаю, в Баку... Да, так будет удобнее всего.

— Почему удобнее? — спросил Ник. — И зачем тебе потом возвращаться в Стамбул?

— Ну, для начала, я гражданка Турции, — улыбнулась Ольга. — И бизнесом

мне удобнее всего управлять из Стамбула. Это сейчас мне пришлось залечь на дно, но ведь так не будет вечно. А пока попробую порулить из Азербайджана. Это не так удобно делать, как из Турции, но все же Азербайджан довольно близко к основному пути наркотрафика. Рядом Иран, Афганистан, можно держать руку на пульсе...

То, что она никак не обозначила его присутствие в своей будущей жизни, неприятно задело.

— А я? — задал вопрос Николас.

— А ты... Ты волен сам решать, как тебе жить. На мой взгляд, тебе стоит прямо сейчас, отсюда, обратиться к родителям, объяснить, что ты не похищен, что тебе ничего не угрожает, но вернуться ты пока не можешь. Наверняка у вашей аристократической семьи есть свой адвокат. Есть же? Думаю, стоит поручить это дело ему. Уверена, он сможет добиться того, чтобы видео с камеры не приобщили к расследованию. Если твои родители успели дать какие-то показания — а они могли это сделать, если их застигли врасплох, если воспользовались их шоковым состоянием от пропажи единственного сына, — адвокат их опротестует. На все это уйдет несколько месяцев, но, когда де-

ло будет улажено, ты сможешь вернуться и поселиться, где захочешь.

— То есть того, что я тебя сдам, ты уже не боишься? — поддел Николас.

Ольга прямо посмотрела на него:

— Нет, уже не боюсь. А что, должна?

Он опустил на каменный пол у ее ног, взял в ладони ее руки, поднес их к губам. Играя, слегка прикусил косточку у основания ладони.

— Ольга, послушай меня... Только не смейся! Ты ведь можешь покончить со всем этим, бросить свой чертов наркобизнес, никогда не видеть больше эти ублюбочные рожи. Я же знаю тебя. Ты сильная, благородная натура. Тебе претит общаться с этими упырями, которые насилуют несовершеннолетних девчонок и жестоко расправляются со своими врагами. Ты не такая, как они.

— Серьезно? А я думала, я чудовище, — поддела Ольга.

Но Ник продолжал убеждать:

— Продай свою долю, избавься от фирмы грузоперевозок. Чтобы все это осталось в прошлом. Подумай, ведь мы могли бы уехать в Англию, вместе. Поселиться в моей лондонской квартире. Сделать тебе новые документы, из-

менить личность, чтобы никто тебя никогда не нашел. С твоим огромным опытом ты сможешь заняться любым легальным бизнесом. И тебе не придется больше выбивать долги, бояться конкурентов и полиции. Даже если ты захочешь до конца жизни остаться домохозяйкой, денег нам хватит, я тебе обещаю.

— Думаешь, мне стоит наложить лапу на богатства семьи Казантакис? — рассмеялась Ольга.

Николас говорил так искренне, совершенно не понимая, что все, что он предлагает, — нереально. Ее все равно найдут, а главное, найдут его. Возьмут в заложники, будут пытаться и вышлют её по частям. Она никогда не сможет со всем покончить хотя бы ради того, чтобы не подставить его.

Опустив руку Нику на макушку, Ольга взъерошила ему волосы. Затем наклонилась, вдохнула их запах и прижалась губами к виску.

— Ник, милый, дело не в деньгах. Это тот бизнес, из которого невозможно уйти. Разве что на кладбище. Слишком многие хотят меня убить, слишком многим я в свое время перешла дорогу. Я повязана с представителями мафиозных семей, с крупнейшими бизнесменами, с политиками. Стоит мне только на